

предельная сложность практического воплощения. В разные временные этапы указанная задача решалась различными способами, но все же можно выделить наиболее типичные технологии.

Во-первых, создание массовых проправительственных, прежде всего молодежных, структур, таких как «Идущие вместе», «Наши», «Сталь», «Молодая гвардия «Единой России» и пр. Они призваны противостоять уличной активности оппозиции, «выиграть» у нее улицу. Реализовывается технология вытеснения оппозиции из общественных городских пространств, тем самым купируются возможные негативные информационные поводы. Иногда на помощь приходят чисто административные методы, когда на одну и ту же территорию в один и тот же день претендуют разные политические силы, но заявка провластных структура оказывается поданной на несколько минут раньше, чем оппозиционная. Соответственно, противникам власти предлагают провести свое мероприятие на окраинных территориях, неудобных с точки зрения доставки туда людей и потенциально слабых по информационному эффекту от акции.

Во-вторых, прямой запрет на проведение митингов, шествий, пикетов. Наиболее заметным в этом плане стало противостояние московской мэрии и так называемой «Стратегии 31». Попытки Э. Лимонова, Л. Алексеевой, Г. Каспарова и прочих деятелей российского политического протеста устраивать каждое 31 число акции «в защиту 31 статьи российской Конституции» на Триумфальной площади в Москве встречали

кордоны полиции. Зачастую все заканчивалось задержаниями и административными арестами оппозиционных политиков.

В-третьих, предельно жесткая реакция на наиболее резонансные публичные акции: нападение на полицейских на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 г., «танцы» в Храме Христа Спасителя. Реальные уголовные сроки должны были стать, по всей видимости, в том числе и профилактическим средством от несанкционированной публичной политической активности.

В-четвертых, это дискредитация оппозиционных лидеров улицы в общественном мнении. Показ по центральным каналам телевидения разнообразных разоблачительных материалов, наиболее яркими из которых стали фильмы НТВ «Анатомия протеста», должны были создать у населения устойчивое впечатление о противниках власти как «наймигах» иностранных государств, подрывающих устои и стабильность российского общества.

В совокупности все эти четыре технологии были нацелены на снижение массовой несанкционированной политической активности. В целом надо признать, что разведение факторов политизации между различными социальными группами в конце 2000-х – начале 2010-х гг. было осуществлено вполне успешно. Именно в этом, по нашему мнению, состоит коренное отличие от ситуации 1990-х гг., когда такого рода разрыва не существовало, факторы политизации сливались, взаимно усиливая друг друга и резонансно политизировали массовое сознание.

УДК 323

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОРЫВА

Е. В. Ефанова, С. А. Панкратов

Волгоградский государственный университет
E-mail: efanova8282@mail.ru, s.pankratov@mail.ru

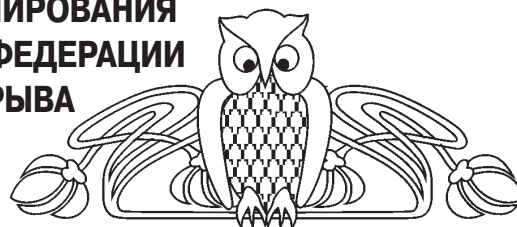
В статье раскрыто содержание политической модернизации общества, определен ее дестабилизационный потенциал. В результате авторы указывают на национальную специфику модернизационных преобразований в современной России с целью обеспечения внутривнутриполитической стабильности.

Ключевые слова: политическая стабильность, обеспечение стабильности, политическая система, политическая модернизация.

Ensuring Stability of Functioning of Political System of the Russian Federation in the Conditions of Modernization Break

E. V. Efanova, S. A. Pankratov

In the article the contents political society modernizations is opened, its destabilization potential is determined. As a result authors point

to national specifics of modernization transformations in modern Russia for the purpose of ensuring internal political stability.

Key words: political stability, guarantee of the stability, political system, political modernization.

В настоящее время многие страны мира осуществляют политическую модернизацию, результатом которой становится устойчивая политическая система, способствующая успешной модернизации всего общества. Несмотря на то что в общественно-политическом дискурсе понятие «модернизация» связывается в основном с технологическим обновлением или же с трансформацией моделей экономического поведения, необходимо воспринимать ее и как готовность к политическим изменениям. В целом развитие мо-

дернизационных процессов имеет своим итогом повышение адаптационных возможностей общества, которое благодаря модернизации становится способно более адекватно отвечать на различные вызовы внутреннего и внешнего характера «путем самоизменения и внедрения инноваций во всех сферах общественной жизни»¹.

Особое место в структуре общего процесса модернизации занимает политическая модернизация. Л. И. Никовская, ссылаясь на опыт модернизации в ведущих индустриальных и демократических странах, отмечает, что «ни экономическая, ни технологическая, ни чисто социальная, ни экологическая или какая-либо другая инновации не могут состояться без политической модернизации общества»². Именно политическая модернизация выступает залогом дальнейшего успешного развития всего общества.

В понимании М. А. Молоковой политическая модернизация означает «обновление политической системы, перевод ее на инновационные рельсы развития, формирование и распространение политической культуры, современных и эффективных институтов, методов и практик, способных обеспечивать своевременное и адекватное реагирование системы на динамично меняющиеся параметры современной жизни»³. В интерпретации В. И. Пугачева политическая модернизация представляет собой «изменение политической системы, заимствование традиционными обществами новых социальных ролей и политических институтов, сформировавшихся в рамках западных демократий; возрастание участия в политике различных социальных групп»⁴. П. К. Гончаров под политической модернизацией подразумевает «процесс изменений в политической сфере модернизирующегося общества, в ходе которого формируется многокомпонентная, многофункциональная политическая система современного общества»⁵.

С. А. Ланцов отмечает, что содержание политической модернизации «составляют качественные изменения политической системы, связанные с соответствующими трансформациями в экономической, социальной и культурной сферах общества. В процессе такой модернизации происходит как становление новых, так и эволюция, приспособление к изменяющимся обстоятельствам наличных политических институтов»⁶. Своеобразное определение политической модернизации дает Л. И. Никовская, которая понимает ее как «процесс создания эффективных властных институтов и механизмов, формирование эффективной и компетентной бюрократии европейского типа, расширение участия масс в политике, становление правового государства и гражданского общества»⁷. С. А. Панкратов акцентирует внимание на целевой установке процесса модернизационных преобразований, заключающихся в возрастании способности политической системы успешно адаптироваться к новым образцам социальных

целей и создавать новые виды институтов, обеспечивающих как контроль над ресурсами, так и каналы для эффективного диалога между властью и населением⁸.

Таким образом, очевидно, что основным объектом политической модернизации выступает политическая система. Такая модернизация ведет к росту способностей политической системы адекватно и своевременно отвечать на вызовы общества, к возрастанию эффективности системы за счет внедрения новых или модификации имеющихся политических институтов и практик. Причем существует ряд параметров политической модернизации, по которым можно судить о наличии модернизации и степени модернизированности ее объекта.

1. Структурная дифференциация, которая предполагает формирование новых политических институтов, выполняющих строго очерченные и определенные функции, но в то же время являющимися тесно взаимодействующими и взаимосвязанными. В процессе модернизации возрастает многообразие деятельности людей, происходит появление новых групп интересов со специфическими требованиями. Политическая система должна быть способна быстро реагировать на такие изменяющиеся требования. Достичь этого можно как раз за счет разделения функций и возрастающего количества политических институтов. Г. Алмонд отмечает, что «основное отличие между традиционными и модернизированными системами заключается именно в уровне дифференциации функций и степени специализации взаимозависимости подсистем и элементов: чем больше элементов, чем теснее их взаимосвязь, чем конкретнее их специализация, тем более высок уровень развития политической системы»⁹.

2. Возрастание способностей системы, под которыми понимаются, прежде всего, способности к мобилизации, инновациям и выживанию. Это означает, что система более эффективно привлекает и использует экономические, политические, информационные, людские ресурсы для достижения новых целей в развитии; приспосабливается к новым проблемам, своевременно и адекватно реагирует на различные импульсы и непредвиденные обстоятельства; использует в целях самосохранения системы и преодоления различных кризисов новые средства социализации и коммуникации.

3. Тенденция к равноправию, которая проявляется: во-первых, в возрастании участия в политике самых различных общественных групп, а также в распространении «культуры участия»; во-вторых, в универсальном характере законов; в-третьих, в уничтожении всех искусственных ограничений (сословных, расовых, имущественных, половых) на политическую деятельность индивидов и социальных групп, а также предоставление всем гражданам возможности свободного занятия государственных должностей. Как

отмечает С. Хантингтон, «во всех современных государствах граждане оказываются непосредственно вовлечены в процессы управления и испытывают на себе их последствия»¹⁰.

Стоит отметить, что перечисленные аспекты политической модернизации не обязательно прогрессируют синхронно. Так, исторический опыт показывает, что «между этими составляющими могут возникать противоречия: например, тенденция к равноправию может уменьшить способности политической системы и т. п.»¹¹. Асинхронность в развитии основных аспектов политической модернизации может привести к появлению различных кризисов.

Политическая модернизация выступает одним из вариантов прогрессивного политического развития. Она отличается тем, что «предполагает ряд конструктивных и сознательных мер, стратегий, учитывающих страновую специфику и невозможность прежней политической системы самостоятельно справиться с вызовами времени и решением актуальных задач»¹². Следовательно, политическая модернизация предполагает наличие «агентов» модернизации, которые иницируют и претворяют ее в жизнь. «Хотя идея обновления общества может разделяться и поддерживаться разными группами людей, реальной программой развития она становится только в сознании политической элиты, стоящей у власти. Последняя способна не только инициировать этот процесс, но и поставить ему на службу всю мощь государственной машины. Модернизация и есть в первую очередь политика, сознательная деятельность власти, ее политическая стратегия»¹³.

Начало политической модернизации связывается, как правило, с соответствующими изменениями в социальной и экономической сферах общества. Так, согласно концепции С. Хантингтона, стимулом для начала модернизационных преобразований выступает некая совокупность внутренних и внешних факторов, побуждающих правящую элиту приступить к реформированию. Реформы, затрагивая экономическую и социальную сферы, могут первоначально не касаться политической системы. Однако модернизация какого-либо одного элемента общества сразу же выявляет «несовременность» другого и, как следствие, неспособность решать вновь возникающие задачи. Таким образом, по мере реализации преобразований все отчетливее выступает необходимость и в политической модернизации для успешного завершения реформ и обеспечения равновесия между изменениями в различных сферах жизни общества. Кроме того, отставание в развитии политических институтов и практик по отношению к социальным и экономическим изменениям чревато политической нестабильностью и беспорядком.

Выделяют ряд факторов, препятствующих успешной политической модернизации. С. А. Ланцов считает, что на процессе полити-

ческой модернизации негативно сказывается «отставание ее от изменений в других сферах жизнедеятельности общества»¹⁴, ибо это может стать причиной революционного кризиса. К негативным факторам может относиться и уровень развития гражданского общества и политической культуры, который может оказаться не подготовленным к быстро протекающей демократизации. «В таком случае также велика вероятность возникновения кризисной ситуации, чреватой хаосом, ведущей к охлократии»¹⁵. Еще одним фактором может служить то обстоятельство, что многие страны начинают модернизацию (как политическую, так и социально-экономическую), основываясь не на внутренних потребностях, а «на стремлении самоутвердиться в контексте новых мировых реалий, укрепить обороноспособность и получить моральную (иногда – политическую и экономическую) компенсацию за военные поражения в прошлом, поднять уровень благосостояния и престиж»¹⁶. Для такой модернизации характерно заимствование лишь внешней стороны, подражание результатам, а не просчитывание путей и алгоритмов достижения желаемых целей применимо к той или иной среде. В результате происходит разрушение прежней системы ценностей социокультурного регулирования, значительно подрывается основа стабильности общества, а конфликты и противоречия трансформируются в трудноразрешимые кризисы политической модернизации. «И чем менее успешна структурная перестройка, тем больше вероятность последующего отставания и возникновения “рецидивирующей” модернизации – малоэффективной, с высокой социальной ценой и постоянной нуждой в новом скачке»¹⁷.

В. И. Пантин и В. В. Лапкин отмечают, что на успешность проведения политической модернизации оказывают влияние два фактора. Первый заключается во внутренней готовности «модернизирующегося общества к глубоким политическим реформам, ограничивающим власть бюрократии и устанавливающим адекватные “правила игры” для основных политических акторов»¹⁸. Желание и способность наиболее развитых стран оказать модернизирующемуся обществу эффективную экономическую и политическую помощь также способствует успешной политической модернизации. Помощь развитых стран может смягчить тяжелые последствия проводимых реформ. Г. Алмонд выделяет пять факторов, определяющих успешность политической модернизации: 1) последовательность стадий политической модернизации; 2) наличие достаточного количества ресурсов для развития; 3) одновременное развитие других систем общества; 4) достаточное количество внутренних возможностей самой политической системы для решения проблем по мере их появления; 5) адекватная реакция со стороны элит на различные вызовы, поступающие от общества¹⁹.

Таким образом, политическая модернизация есть «непрерывный процесс качественных преобразований политической системы на основе как традиционных, так и синтетических ценностей, связанный с формированием новых политических институтов, структур и отношений, обеспечивающих расширение сферы политического участия различных социальных групп, эффективный диалог между властью и обществом в интересах социально-политической стабильности и устойчивого поступательного развития»²⁰.

В целом среди методов стабилизации политической системы используются следующие²¹:

– социальное маневрирование – необходимо ослабить коллизию между закономерностями функционирования системы и интересами ущемляемой ими части общества, а следовательно, свести до приемлемого уровня ее негативную политическую ориентацию. Достигается этот эффект путем перераспределения определенной доли общественного продукта. Объем этой доли зависит от ряда обстоятельств: уровня социальной и политической напряженности, существующей в обществе; гибкости, проявляемой той его частью, у которой изымается общественный продукт; степени профессионализма политического руководства;

– политическое маневрирование осуществляется при помощи политических средств – через деятельность политических органов, при помощи политических решений. Наиболее распространенными формами политического маневрирования являются: 1) выявление возможностей компромисса между противоборствующими силами. Оптимальным итогом считается установление консенсуса, не исключающего конфронтации сторон, но удерживающего ее в приемлемых пределах; 2) смена политического актора. В какой-то конкретный момент политическая сила, взявшая на себя обязательство добиться определенной цели и не реализовавшая его, теряет общественный кредит. Тогда в интересах стабилизации системы производится политическая рокировка; 3) создание образа врага, то есть происходит политическая дезориентация недовольной части общества, переключение ее социальной и политической энергии на цели, не подрывающие стабильности системы;

– политическое манипулирование – действия, предпринимаемые политическими инстанциями для обеспечения необходимого им состояния системы, в том числе целенаправленное воздействие на общественное сознание через каналы массовых коммуникаций. СМИ в подавляющем большинстве находятся в руках политических сил, господствующих в данном обществе. Поэтому их действия чаще всего ориентированы на стабилизацию системы;

– интеграция контрэлиты – контрэлиты образуются, когда неправильно организованная селекция кадров приводит к отсеву участников. Не попав в состав политической элиты, они накапливаются на противоположном полюсе,

развертывая антисистемную активность. Одна из функциональных целей политического руководства – предотвратить образование контрэлиты;

– силовое давление: главная движущая сила – целесообразность. Наиболее эффективно применительно к системам с примитивной структурой. Связи в них обозримы и могут быть взяты под контроль, осуществляемый из центра. Признание данного метода действующим делает необходимым детальное рассмотрение форм его реализации. Они могут быть представлены от установления тоталитарной диктатуры, направленной на насильственное искоренение негативного отношения к системе, в том числе физическое истребление его носителей, до применения косвенных методов давления при соблюдении норм современного правового государства. Обращение к той или иной форме в решающей степени зависит и от сложности общественной системы, и от остроты потрясающих ее кризисных процессов.

Говоря о «догоняющей» модернизации в России, следует отметить, что она имеет чрезвычайную протяженность, растянутость во времени²². «В политическом развитии России <...> отчетливо прослеживается нелинейность и волнообразность, которая проявляется, в частности, в циклах реформ – контрреформ»²³. Однако «такое чередование реформ и контрреформ отнюдь не ведет к прекращению политической модернизации»²⁴. Наоборот, на этапе контрреформ происходит адаптация к российским условиям политических институтов, заимствованных и имитационно освоенных в годы реформ. Еще одной особенностью отечественной модернизации является активная роль государства в инициировании и определении основных направлений модернизационных изменений. «Причем общество выступает лишь как объект модернизационных преобразований, а не как опора или стимул к изменениям»²⁵.

В современной России «политическая модернизация представляет собой переход общества от советского конституционного строя к демократическому. Этот переход был подготовлен демократическим движением конца 80-х – начала 90-х годов XX века»²⁶. В целом перестройка политической системы СССР, прерванная его распадом, дала импульс политической модернизации России. Сложившаяся с 1991 г. «политическая конфигурация – демократический президент, подконтрольное ему правительство реформаторов и претендующий <...> на всевластие Верховный Совет – представляла собой аномальную политическую конструкцию как своеобразный результат начальной стадии политической модернизации»²⁷. Принятая в 1993 г. Конституция РФ стала важным этапом в процессе политической модернизации. Россия начала определяться как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, как социальное, а также светское. Многонациональный народ провозглашается носителем суверенитета

и единственным источником власти, высшим непосредственным выражением которой являются референдум и свободные выборы.

Вместе с тем чрезмерные темпы политической модернизации, отсутствие демократических корней у демократических институтов затрудняли процесс создания стабильной политической системы, которая вследствие реформ стала хуже выполнять свои функции. В силу этого «повышение эффективности политической системы в России <...> сопровождается и может сопровождаться дальше некоторыми изменениями возвратного характера»²⁸. В результате 2000-е гг. стали «годами укрепления механизма государственного управления, восстановления “вертикали власти”, нейтрализации “политических поляризованных” и создания демократических институтов “сверху”»²⁹. В итоге в процессе политической модернизации в России произошло становление новых политических институтов, в частности института президента, двухпалатного парламента, многопартийности, свободных выборов на конкурентной основе. Ряд мер, в частности, внесение изменений в законодательство о партиях, создание Общественной палаты, был направлен на увеличение возможности участия граждан в политике.

Исходя из этого, можно считать, что политическая модернизация в России есть результат постепенного увеличения возможности участия российских граждан в политике на фоне имитационных практик процесса публичного обсуждения политических решений в ходе реализации государственных модернизационных преобразований политической системы РФ. Подобная ситуация напоминает маятниковый механизм в системе координат «консерватизм – либерализм», где первый тяготеет к созданию централизованных институтов власти, которые обеспечили бы благоприятный исход процесса политической модернизации, а второй акцентирует внимание на возможности оказывать влияние со стороны населения на принимающих властные решения субъектов.

Вместе с тем необходимо помнить, что российское общество на протяжении длительных исторических периодов находилось в мобилизационном режиме и развивалось в милитаризованном ключе; импульсы модернизации формировались не как органическая потребность, а исходили из внешнего источника и осуществлялись дискретно, нередко в результате военных действий или в связи с потенциальной военной угрозой³⁰. В результате имплантации инновационной матрицы в российскую политическую практику в исторически короткий период сложилась корпоративная модель элитообразования, в которой воспроизводятся каналы и механизмы рекрутирования референтных моделей, тяготея к отечественной традиции.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14–33–01202).

Примечания

- 1 Пантин В. И. Волны и циклы социального развития : Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М. : Наука, 2004. С. 7.
- 2 Там же. С. 25.
- 3 Цит по: Молокова М. А. Гражданское общество как фактор политической модернизации : проблемы и вызовы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 173.
- 4 Цит. по: Болховитина Т. С. Модернизация в проекции политического анализа // Изв. ТулГУ. 2012. № 2. С. 264.
- 5 Гончаров П. К. Политический транзит : от концепции модернизации к парадигме транзитологии // Вестн. МГУ. Сер. Социология и политология. 2006. № 2. С. 61.
- 6 Ланцов С. А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Полис. 2001. № 3. С. 93.
- 7 Никовская Л. И., Якимец В. Н., Молокова М. А. Гражданские инициативы и модернизация России. М. : Ключ, 2011. С. 25.
- 8 См.: Панкратов С. А. Модернизация России : поиск модели устойчивого развития. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. С. 45.
- 9 Цит по: Файзуллин И. Ф. Модернизация политической системы российского региона : особенности и модель // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9, ч. I. С. 185.
- 10 Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 52.
- 11 Абрамов А. В. Современная концепция модернизации : работа над прежними ошибками // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2012. № 4. С. 113.
- 12 Славина-Шкретова Н. Б. Политическая модернизация : Теоретико-методологический аспект : дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. С. 36.
- 13 Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2. С. 38.
- 14 Ланцов С. А. Указ. соч. С. 93.
- 15 Там же. С. 93.
- 16 Славина-Шкретова Н. Б. Указ. соч. С. 42.
- 17 Там же. С. 42.
- 18 Лапкин В. В., Пантин В. И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. 2005. № 3. С. 45.
- 19 Цит. по: Ansari S. J. Political Modernization in the Gulf. New Delhi : Northern Book Centre, 1998. P. 15–16.
- 20 Болховитина Т. С. Указ. соч. С. 265.
- 21 См.: Галкин А. А. Стабильность и измерение сквозь призму культуры мира // Полис. 1998. № 5. С. 120–122.
- 22 См. подробнее: Дунаева Ю. В. Модернизация в России : основные теоретические подходы (обзор литературы) // Политическая наука. 2003. № 2. С. 203.
- 23 Пантин В. И. Циклы реформ – контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // Полис. 2011. № 6. С. 24.

- ²⁴ Лапкин В. В., Пантин В. И. Указ. соч. С. 49.
- ²⁵ Горелик Д. С. Институциональные предпосылки политической модернизации в России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 111.
- ²⁶ Зимин В. А. Политические модернизационные процессы в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12. С. 74.
- ²⁷ Тянь В. В. Политическая модернизация России в постсоветский период (характеристики и факторы своеобразия) // Власть. 2009. № 9. С. 18.
- ²⁸ Шилов В. Н. К вопросу о политической модернизации в современной России // Политика и общество. 2010. № 4. С. 6.
- ²⁹ Тянь В. В. Указ. соч. С. 19.
- ³⁰ См. : Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России : вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006. С. 322.

УДК 32.019.5 – 053.81

РОССИЙСКИЕ СМИ КАК «АГЕНТЫ»: НОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННОГО КОНФЛИКТА МЕДИЙНЫХ И ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru

В статье рассмотрены те тенденции, которые имеют место в деятельности российских законодателей в политико-правовом регулировании функционирования отечественных СМИ. Стремление ограничить для российских медийных структур воздействие зарубежных информационных процессов рассматривается не только в контексте политического и информационного суверенитета государства, но и с позиций информационного обеспечения интересов гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: СМИ, политический суверенитет, информационный суверенитет, гражданское общество, медийные структуры, властные структуры.

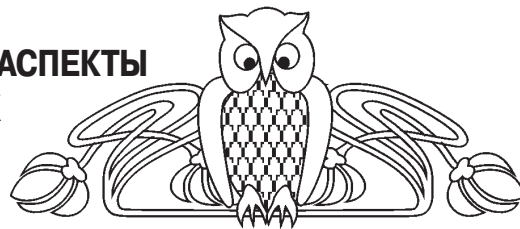
Russian Mass Media as «Agents»: New Aspects of Traditional Conflict between Media and Power Structures

А. V. Rossoshansky

The article is about tendencies observed in Russian lawmakers' activities while juridical and political regulating of the mass media. An intention to defend Russian media structures from the influence of foreign informational processes is viewed not only in the context of political and informational sovereignty of a state, but with regard to informational guarantee of civil society's interests in modern Russia too.

Key words: mass media, political sovereignty, informational sovereignty, civil society, media structures, power structures.

Конфликт интересов СМИ и институтов государственной власти – это норма современной политики. Власть, какой бы демократичной или авторитарной она ни была, обычно уверена, что журналисты «лезут» куда не следует, излишне будоражат общественное мнение не теми вопросами, на которые эта власть сегодня готова дать прямой ответ. Работники медийных структур, в свою очередь, привычно подозревают и обвиняют власть в намерении что-то скрыть от них и общества, не дать доступа к чему-то принципиально

важному для повседневного самочувствия людей. Это как важный индикатор общего «здоровья» политики: если журналисты и чиновники критикуют друг друга, то граждане могут спать спокойно.

С другой стороны, применительно к ситуации в современных обществах и государствах, в которых информационные потоки и информационные ресурсы приобретают значение ключевого фактора всего развития этих систем, к такого рода конфликтам уже нельзя относиться просто как к «старой доброй традиции». В этих конфликтах обнаруживается нечто новое, характеризующее общие подвижки в качестве современной политики. Одним из последних по времени и резонансных примеров такой конфликтной ситуации стала история с внесением в Государственную думу и последующим отклонением так называемого «закона о правде», или «закона о СМИ – иностранных агентах».

Если кратко, то суть дела в следующем. Депутат от «Единой России» Евгений Федоров, несмотря на неодобрительные отзывы некоторых других членов партийной фракции в российском парламенте, вместе с депутатами Антоном Романовым и Магомедом Селимхановым внес в Думу законопроект, в котором предложил (в виде поправок в действующий Закон «О средствах массовой информации») наделять СМИ статусом «иностранных агентов», в случае если они получают зарубежное финансирование в той или иной форме¹. Очевидно, что предложение построено по аналогии с законом, который наделяет таким же статусом некоторые российские общественные организации. В частности, депутат предложил дополнить вторую статью этого Закона, характеризующую основные понятия, соответствующим определением «СМИ как иностранного агента». Автор законопроекта предложил трактовать это понятие достаточно широко, что, по всей видимости, и вызвало возражения его коллег по фрак-